КРУПКА

Св. Константину Сухову

...А над Кинелем ночка крупку
несла в подоле,
Не удержала в дланях краешек
скользкий ситца.
Если молитва чья-то прервана
злою волей —
Целой и невредимой к Богу она
домчится.

Осень пошла на убыль — скорой
зиме на прибыль
Ровно покрыла тропки крупка в
конце недели.
— Батюшку отпустите! — Разве
они смогли бы,
Старенькие ладони тянущие к
шинелям...

Прямо из храма взяли, били
прикладом в спину,
По серебристой крупке —
волоком да на берег:
«Кокнем — царём поедешь —
выделим лошадину
Вместе с телегой старой и
не попросим денег».

День, с чёрной ночкой схожий,
тучами небо застит.
— Батюшку не губите! — Плач
над рекой вселенский.
Сон — большевистский морок —
сгинь, забери напасти!
В храме оплыли свечи, тени
легли на фрески.

На ноги встал священник,
крупку сметая с рясы.
— Что, Константине, больно?
Что, Константине, страшно? —
Щёлкнул курок взводимый...
«Точите зря вы лясы,
В Божьем чертоге стынут и
питиё и брашно.

К деткам спешу на небо, ждут
меня — не дождутся,
В долгом служенье Богу —
четверо на погосте...»
Только солдатам стыдно, молча
на крупке мнутся.
Сам комиссар усатый: «Цельтесь
в попа! Не бойтесь!»

И, палачам прощая, глядя на
Божье сито,
Сеявшее снежинки, принял он
смерть героя.
Крупка не стала манной, кровью
святой полита,
Белым лишь оградила место его
покоя.

На берегу Кинеля, рядышком с
иорданью
Песней молитва к Богу, словно
на крыльях, мчится.
Ночь обернула крупку чёрной
прохладной тканью —
Не удержала в дланях краешек
скользкий ситца...

ЧЁРНАЯ БЕРЁЗА

1

Сбив облака-шатуны в
белоснежную стаю,
В степь запустил пятерню
разыгравшийся ветер,
К роще берёзовой грудью
приник: «Засыпаю»,
Дар драгоценный в траву
обронил — не заметил.

Семечко малое родичам в ноги
упало:
«Смилуйтесь, матушки, дайте
мне светлое место.
С ветром неделю летела и лесом,
и палом,
Бабочкой лёгкой над всем
Оренбургским уездом».

Слаб голосок — наклонились
берёзы-сестрицы,
Вяхири стихли, сглотнув, как
росу, воркованья...
...Вяжет покров Богородица —
щёлкают спицы,
В такт им черницы седой пред
иконой метанья.

Петелька к петельке мира
плетётся основа,
Вслед за поклоном поклон, и
душе — облегченье.

Смерть на подходе, но жизнь
зарождается снова
В семечке чёрной берёзы —
чудесном творенье.

2

Ножки поджал искривлённые
сын под фуфайкой.
Мамка слезливо: «Гостинцы
сложила в корзину».
Доктор вздохнул, руки щёлоком
вымыв над шайкой:
«Рад бы помочь да не в силах —
просите Зосиму[1]».

Вёрст девятнадцать тряслись по
холмам на лошадке.
Раз девятнадцать молились,
мечтая о чуде:
«Мальчик трёхлетний с рожденья
был справный да гладкий,
Господи Боже, что дальше с
ребёночком будет?..»

«Будет стоять!» — возгласила
монашка Зосима,
И окропила ножонки святою
водою...
Сила по Вере! Как семечко,
ветром носимо,
Чудо Господне спустилось,
восстав над бедою!

Мальчик пошёл... На Афоне он
станет монахом,
Крест перламутровый — щедрый
подарок черницы —
Век, не снимая, проносит под
нижней рубахой.
...Чёрный росток вместе с белыми
к небу стремится.

3

Гроб кипарисовый — схимницы
жёсткое ложе.
Страждущим дни отдавала, а
ночи — молитвам.
Дар провидения — не оступиться
поможет,
Дар исцеления — с хворью
успешная битва.

Властью гонимая, Божье
несущая Слово,
Близких утратив, для дальних
открывшая душу,
В чёрных одеждах, отрёкшись
от шума мирского,
Сердцем согрела озябших в
духовную стужу.

«После кончины мою раскопают
могилу —
Золото станут искать по дурному
навету.
Значит, спаслась я... Как семечко,
древо покину,
В новый чертог полечу, ближе к
горнему свету!»

Сбив облака-шатуны в
белоснежную стаю,
К чёрной берёзе спешит на
свидание ветер:
— Вспомнил Зосиму тогда я,
шепнув: «Засыпаю»,
В край Оренбургский тебя
перенёс и приветил».

---

[1] Зосима Еннатская — русская православная святая, преподобная

СВЕТЪ

Епископу Сергию (Никольскому)

Вырываясь из недр, свет
лучился, борясь с темнотой.
Звёзды меркли пред ним... Диск
Луны покраснел золотой,
От обиды и боли дрожа в
бесконечных рыданьях.
Место утренней казни сияло
подземным огнём,
Будто воздух горел, освещая
степной окоём,
Возвещая о власти безбожной
ужасных деяньях...

...не разверзлась земля, возмущая
от гнева миры,
Лишь потухший маяк
встрепенулся на теле горы,
Слыша выстрелы вместе с
вороньим раскатистым: «Кара!»
Небо сонно ворочалось средь
пелены облаков,
Трупы долго грузили, сажали в
машины стрелков.
Спал Урал, и подёрнулась рябью
случайной Сакмара.

Не дождутся латунные гильзы
ребячьей руки —
Отпугнут капли крови... Пустых
папирос мундштуки
И окурки слюнявые, вбитые в
почву с притопом,
Лоскутки от одежд — всё зелёные
скроют холсты,
Пулей сбитую ветку и рваную
ткань бересты
Смоют струи дождя, низвергаясь
холодным потоком.

Нет епископа с братией, словно
бы не было их...
Ручейки пересохли, злой ветер
вдруг сдулся и стих.
С наступлением ночи исторгла
свет вешняя почва.
Это память проснулась и стала
вопить в небеса:
«Боже, очи отверзи, яви на земле
чудеса!..»
— Наш епископ убит,— сообщила
народная почта.

Свет проникнет в сердца,
выгоняя сомненья и страх.
«На тебя я надеюсь» — так
Сергию рёк Патриарх[2],
Посох тяжкий вручая — нелёгкую
пастыря долю.
Кто посмеет стереть в книге
жизни добра письмена?
Лютой смертью погибших не
сгинут вовек имена,
Сутью мира оставшись — крутой
человеческой солью!

---

[2] Патриарх Тихон